Проект «Миссури»

Автор:
Яна Дубинянская

Проект «Миссури»

Яна Юрьевна Дубинянская

Очень престижный, хотя на удивление демократичный вуз становится полигоном для масштабного эксперимента, проецированного на Будущее. Выпускники МИИСУРО изменят мир – до неузнаваемости. Начиная с почти незаметного изменения каждой конкретной судьбы… Судьбы героев романа переплетаются в разных временных проекциях – студенческая юность, «кризис среднего возраста», состоявшаяся зрелость. Но проблема выбора актуальна для человека всегда. Особенно в стремительно меняющемся мире – возможно, накануне катастрофы. Особенно если все-таки выпал шанс с самого начала сделать все по-другому…

Яна Дубинянская

Проект «Миссури»

Часть первая

Пролог

Зеленые глаза электронных часов светились симметричными цифрами: 02–20. Затем левый глаз подмигнул: 02–21.

За стеной до сих пор орала музыка, забивая смазанные, словно следы кроссовок в слякоть, голоса. Грохнул очередной залп хохота; после полуминутной паузы – 02–22 – еще один. Но ведь когда-нибудь они лягут спать, им же тоже с утра на пары… 02–23.

Она повернулась на бок, чтобы не видеть часов. Глаза уже давно свыклись с темнотой. Рубашка Андрея, раскинув рукава, смутно белела на полу; из-под нее выглядывал фрагмент брюк, стянутых, оказывается, прямо вместе с трусами: вон цветастая резинка за кожаным хвостиком ремня. И рядом – смятый квадратный пакетик с рваным краем.

Снова заворочалась. На животе, лицом в подушку, было удобно от силы пару мгновений – потом захотелось дышать. В который раз перевернулась на спину и, едва помещаясь на самом краю кровати, сухими бессонными глазами уставилась в лысую лампочку под потолком. Мимо наискось пробежали лучи от автомобильных фар.

Музыка вдруг утихла, и она успела вздохнуть с облегчением, – прежде, чем нестройные девичьи голоса потребовали: «Включи!», – и кто-то немедля исполнил их требование.

Вот тут-то и захотелось плакать.

Все должно было произойти совсем-совсем не так. Не здесь и, наверное, не сейчас. И не… она прикусила губу, обрубая щупальце незваной, холодной и скользкой мысли.

С ним. Только с ним.

И ей совершенно не было больно…

Андрей сказал, что так тоже бывает. И вовсе не сразу уснул: они долго разговаривали про любовь и про жизнь, и даже о том, как после института – пять вечных лет! – можно будет пожениться… Просто он-то не первый раз

ночует в общежитии. Он привык, что музыка за стеной и зеленые часы прямо в глаза…

02-30. Полтретьего.

Она опять повернулась на бок – теперь уже лицом к Андреевой спине. Теплой, тихонько посапывающей. На узкой пружинной кровати нос почти касался его кожи; от щекотки захотелось чихнуть.

И вдруг она взвилась в диком, неправдоподобном ужасе.

Отшатнулась, едва не потеряв равновесие. Расширенными глазами смотрела на эту смуглую, поросшую редкими кустами курчавых волос, абсолютно чужую спину.

И он – не Андрей!!! – зашевелился, перекатился на другой бок, сотрясая пружины, и приподнялся на локте. Короткая шея в буграх волосатых плеч, маленькие сонные глазки на орангутаньем лице. Утробный зевок, переходящий в ухмылку. И тянущиеся к ее груди толстые пальцы с обкусанными ногтя…

05-45.

Она вросла взглядом в зеленые цифры, не веря, что проснулась.

В рассветном полумраке комната Андрея была похожа на старую черно-белую фотографию. Темно-серый шкаф с покосившейся дверцей, чуть посветлее стол у окна. Вторая кровать – голая, без матраса. Большой плакат на стене: какой-то голливудский спаситель мира с шерстью на могучих плечах… н-да. И ни единого звука; общежитие таки сдалось и заснуло.

Ее все еще сотрясала нервная дрожь. Как в детстве после кошмарных снов, было страшно шевельнуться. Маленькая, испуганная, одинокая девочка… нет.

Теперь она не одна.

Одеяло сползло с нее, разделив их с Андреем. Холодно. Она потянула на себя одеяльный угол, придвинулась, прижалась к теплой спине, обняла за плечи.

Андрей что-то пробормотал, не просыпаясь, заворочался и вслепую нашарил ее грудь.

Она медленно убрала его руку. Села на краю кровати; смаргивая, щурясь, рассматривала в упор его безмятежное лицо с полосками светлых пушистых ресниц и трещинкой на губах. Его лицо…

Это было как ледяная вода, как зовущее дыхание колодца. Ночной кошмар показался просто корявой шуткой по сравнению с…

Он был НЕ ТАКОЙ. Чужое лицо, чужое тело. Посторонний человек, с которым она никак не могла… она вообще никогда его не знала.

Андрей. Это – Андрей?…

– Андре-е-е-ей!!!

Ей казалось, что от крика сотрясаются стены… Как всегда – во сне.

05-50.

Симметричные зеленые глаза.

Рекламная пауза

Международный Институт Интеллектуальных Стратегий Управления и Развития Общества

Впервые!

Объявляется набор студентов на универсальные специальности Будущего в сферах политики, международных отношений, экономики, информации, науки,

культуры и пр.

Вступительные экзамены:

Математика

Экономическая география

История

Иностранный язык (по выбору)

Сочинение

Индивидуальное собеседование

Медалисты и льготные категории абитуриентов допускаются к экзаменам на общих основаниях. Прием на контрактной основе строго ограничен. Студенты обеспечиваются стипендией в размере прожиточного минимума, иногородние – общежитием.

МИИСУРО – институт, доступный каждому, кто обладает интеллектом!

Наши выпускники – люди, от которых зависит Будущее!

Именно они изменят мир!

Александр, первый курс

– Гэндальф, – представился я.

Только не подумайте, что я толкинутый. То есть, творчество Профессора, конечно, уважаю и на игрушках пару раз был, – но не фанатею, как некоторые.

Просто меня все так зовут. И друзья, и в школе… звали. И вообще, согласитесь, «Гэндальф» звучит значительно круче, чем «Саша». И запоминается сразу. Могу себе представить, сколько здесь саш.

Всего на курс набрали двести пятьдесят человек. Я слышал, первый набор три года назад был семьдесят, но с тех пор МИИСУРО раскрутили до невозможности. Когда приеду на каникулы домой, стану миллионером: столько народу спорили со мной на десятку, что не поступлю. Все-таки восемь с половиной на место. И мама пыталась повлиять, она у меня панически боится армии, хотя вообще прогрессивная.

Не то что бы мне было стыдно идти на наш местечковый филфак к ней под крылышко, как она думала. Просто, знаете ли, тянет прочувствовать, как это: от тебя лично зависит будущее, то есть Будущее с большой буквы. Да и в мире я, честное слово, кое-что с удовольствием бы изменил.

Конечно, я в курсе, что реклама – двигатель торговли и т. д. и т. п., но способ узнать правду по-любому один – проверить самому. Ну, и не без того, чтобы всем наглядно доказать, что Гэндальфу не слабо.

Математику я списал гениально. Не со шпоры или бомбы, а из толстенной книжки для двенадцатого класса. Когда грымзы из комиссии ходили по рядам, прижимал ее коленом к столу: там по периметру бортик сантиметров десять – как раз. Конечно, бортика могло и не оказаться, – если б, скажем, посадили не в той аудитории, где была консультация, – но кто не рискует, и далее по тексту.

С географией проблем не было – я ее всегда любил, из-за карт. А вот с историей вышел облом: я-то привык на экзаменах выезжать на нестандартных трактовках событий и личностей, а тут сдавали по тестам, сплошные даты.

Попробовал списать у стриженой девчонки впереди – закрылась, зараза. Тогда я решил идти ва-банк и, прочитав на незакрытом краю листочка ее имя – Алина, вежливо обратился с просьбой подсказать мне такую-то дату. Стриженая хмыкнула: мол, нашел идиотку. Но затем обернулась через плечо, скользнула взглядом по моему тесту – и подсказала, издевательски шепнув, что я все равно ей не конкурент. Возможно. Однако за счет тех полутора баллов мне удалось просочиться в следующий тур; при случае скажу спасибо.

На иностранном захотел вымахнуться и подался в испанскую группу, хотя английский знаю лучше. И чуть было не провалился на глаголах – но чуть-чуть не считается. А за последний экзамен и не волновался особенно: мамина школа. Еще перед отъездом я пообещал ей, что если дотяну до сочинения, то напишу как надо, а не как думаю; а накануне повторил эту клятву по телефону. Четыре, и то из-за каких-то пары запятых.

Но главные приколы разразились, разумеется, на финальном собеседовании. К тому времени нас осталось мало, человек четыреста. Если учесть, что две трети поприходили с родителями, а то и с бабками-дедками-жучками, в коридоре было не продохнуть и не протолкнуться. И покурить не выскочишь, потому что могли вызвать в любую минуту. В общем, к моменту предстания пред ясны очи комиссии я уже был готов заявить, что зовусь Гэндальфом и на этом основании жажду управлять Будущим, а также изменять мир. Запросто.

Но ни о чем таком меня не спрашивали – в смысле, ни имени, ни высоких стремлений. Интересовались другим: например, насколько крепко я сплю по ночам. Какую музыку слушаю. Боюсь ли высоты и глубины. Кого из близких считаю главным авторитетом (можно подумать, у меня широкий выбор!). Еще заставили сцепить пальцы замком, а потом сложить руки в позе Наполеона… В общем, бред. Я был порядком озадачен.

Но еще больше удивился, когда на следующий день отыскал-таки свою фамилию в списках. В самом низу, под номером двести сорок семь.

* * *

– Гэндальф.

– Георгий. Гера.

Парень справа по линейке был в джинсах, с длинными волосами и серьгой в левом ухе. Государственный гимн он тоже уважал не настолько, чтоб не познакомиться с однокашником, – тем более что мы стояли во втором ряду и не отсвечивали.

– Влад, – присоединился пацан слева, худой, в очках и при костюме.

Мы потрясли друг другу руки. Пораженческая мелодия гимна отстонала свое, и к микрофону подошел ректор института. Он уже обращался с речью перед экзаменами ко всей толпе абитуры, и я примерно представлял, что он скажет.

– Студенты! Сегодня перед вами открылись двери самого демократичного и в то же время самого элитарного из вузов нашей страны – МИИСУРО…

Он сделал паузу, чтобы мы прониклись. И мы прониклись.

– Прикольно звучит, – шепнул Георгий. – Что-то японское, вроде как имя самурая… Миисуро-сан.

– Лучше б ударение на последний слог, – отозвался Влад. – Смотри, если по аналогии: НИИЧАВО, например. Стругацких читал?

– Ректор, наверное, лучше знает, – предположил я.

Но про себя решил, что с этим Владом будет про что поговорить. А Гера мне вообще сразу понравился. Когда человек приходит на торжественную линейку в драных джинсах, это уже что-то.

– … Через каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет именно вы, наши выпускники, будете определять, куда двигаться государству и обществу. Именно на вас ляжет великая ответственность за судьбы…

Если честно, я еще во время первой ректорской речи удивился, что он несет такое пронафталиненное гониво. Во всех теле- и радиопередачах о МИИСУРО рассказывали совсем по-другому: захватывающе, современно. Так, что и вправду хотелось в зубах притащить сюда аттестат. А тогда, на абитуриентском собрании, даже подумалось: туда ли я вообще попал?

– Ты сам откуда, Гэндальф? – спросил Гера. Ему тоже было неинтересно.

– Из Мареевки, – сознался я. И, как всегда, уточнил: – Это не деревня, это город.

– Будешь в общаге жить?

– Ага.

– Я тоже. Я из Александровки Приреченского района. Это деревня.

Первым заржал Влад – мы с Геркой уже вслед за ним. Ржали мы шепотом, интеллигентно, можно сказать, – но какие-то барышни из первого ряда обернулись и зашикали. У обеих были скучные физиономии отличниц; н-да, а на экзаменах, помнится, попадались прикольные девчонки. Увы, плоды противоестественного отбора. Я невольно опустил глаза: вправо и влево уходил частокол из разнообразных ног, и кое-где виднелись ножки что надо – правда, фрагментарно. Ничего, разберемся.

Герка и Влад смотрели на меня и продолжали хохотать уже абсолютно беззвучно, как два Кожаных Чулка.

– А я местный, – сказал Влад. – Столичная штучка.

Одна из отличниц снова обернулась в гневе – или, может, горя желанием познакомиться со столичной штучкой, – но в этот момент ректор поставил в своей речи жизнеутверждающую точку, и со всех сторон раздались аплодисменты. Я тоже пару раз приложил ладонью об ладонь. И тут же наша ровная шеренга зашевелилась и в один момент превратилась в бесформенную толпу, где мгновенно сгинули и Влад, и Герка.

Народ бодро двинулся в сторону корпуса, по архитектуре похожего на футурологические навороты фантастов времен застоя; раньше, я слышал, здесь располагалось нечто марксистско-ленинское, так что без высшего смысла явно не обошлось. Хотя лично мне нравилось. Особенно полупрозрачный шар, выпирающий боками на месте второго этажа. Как я понял, в шаре помещалась столовая, – но зайти внутрь пока не выпало случая: кто ж станет кормить орду голодных абитуриентов?

В вестибюле случилось небольшое столпотворение: все стремились побыстрее отыскать свои фамилии в списках групп с номерами аудиторий. Ну, к толпам я уже привык во время вступительных экзаменов; но это было не совсем то. Тогда массы народу вокруг составляли что-то вроде войска, которое надо расшвырять по сторонам, – а теперь изволь научиться узнавать их всех в лицо, запомнить по именам и прожить среди них ни много ни мало пять лет.

Короче, мрак; не знаю, может, вы и не поймете… Мареевка – город. Но очень маленький.

* * *

Меня записали в группу номер шесть. В аудитории нас набралось человек двадцать – и, конечно, ни одной знакомой физиономии. То есть, ни Георгия, ни Влада. Ни даже той стриженой девчонки, которая точно поступила, раз я уже тогда не был ей конкурентом.

Я собирался сесть в третьем ряду, чтобы не слишком отсвечивать, но, разглядывая народ, прозевал все хорошие места и оказался под самой кафедрой. По левую руку поместилась пухленькая барышня в прозрачной кофточке, очень даже ничего. Повернулась ко мне и состроила глазки. Я совсем было взбодрился, – но вовремя догадался проверить правый фланг.

Ну-ну; там возвышалось нечто лощеное, насквозь проодеколоненное и с булавкой на галстуке. Оно как раз готовило ответный залп из-за модной оправы очков. Барышня, не прекращая маневров, успела достать тетрадку, нарисовать на последней странице рожицу и подписать «пренцеса», – авторская орфография сохранена.

– Все готовы? – сурово спросил преподаватель.

Вот так фишка, а я его и не заметил. Вечно отвлекаюсь на пустяки. А мужик был никак не мелкий, седоватый, с усами щеточкой. Звали его, как я узнал из конспекта Прозрачной Кофточки, торжественно открытого завитушками, «Александр Виниоминович». Тезка, запомню. Но как она писала сочинение?…

Я достал тетрадь и запустил руку по локоть в рюкзак, нашаривая ручку. Нашел транспортир, перочинный ножик и железное кольцо с толкиновской игрушки, – уже пару месяцев думал, что потерял его. Но ручки, похоже, не было, и пришлось искать помощи у правого фланга – не у Кофточки же.

Он посмотрел на меня сквозь очки, как солдат на вошь. Вот уж точно «столичная штучка». Потом светски ответил:

– Да, пожалуйста, – и протянул мне письменную принадлежность чуть ли не с золотым пером. То, чем он пользовался сам, было еще круче.

Не знает, что я, как правило, забываю возвращать всякую мелочь, – нет, не тырю нарочно, а правда забываю. Так ему и надо.

Тем временем препод вовсю проводил перекличку, и я точно пропустил бы свою фамилию, если бы прямо передо мной по списку не шла Кофточка – в миру Лановая Наталья. Надо было слышать, каким томно-сексуальным голосом она протянула свое «есть». Я отрапортовал значительно более кратко.

Стены в аудитории были гладкие, без всяких учебных пособий или портретов великих. И, главное, практически без окон; только ближе к потолку выстроились в три ряда маленькие круглые иллюминаторы – в стиле все тех же футуристических фантазий. В один из кругов с внешней стороны заглянула ворона, но сразу улетела.

Последним в списках значилось чудо в золотых перьях, – фамилию я не запомнил, кроме того, что начиналась она на букву «Ц»; звали его Руслан.

– Значит, так, – отчеканил препод. – Я не буду произносить перед вами вступительных речей. Я продиктую список литературы. Литературы. Которую, – он подчеркивал каждое слово. – Надо. Взять. В библиотеке. И. Законспектировать. Без конспекта никто не будет допущен к зачету. Вы меня поняли?

Воцарилась тишина. Наташка нервно рисовала в тетрадке очередную «пренцесу». Руслан поправил на переносице очки и расчетливо, со сноровкой первого ученика, бросил реплику с места:

– Александр Вениаминович, мы же знали, в КАКОЙ институт поступаем.

Жаль, что я убежденный пацифист. Иначе пообещал бы себе при благоприятных обстоятельствах смазать его по морде.

– Вот именно. Записывайте.

* * *

Когда я вернулся в общагу, сразу стало ясно, что в комнате-«тройке» я больше не один, как это было еще утром. Во-первых, на остальных кроватях появились матрасы. Во-вторых, на одной из них поверх стопки белья лежала гитара, а из-под покрывала торчал край большой сумки. В-третьих – возле другой, уже застеленной, стоял крепкий пацан в спортивном костюме. Мой приход оторвал его от увлекательного занятия – расклеивания по стене над кроватью фоток полного состава нашей сборной по футболу. Человек семь-восемь уже висели, прилепленные за уголки полосками скотча.

– Вам кого? – спросил он, чем насмешил меня до чертиков.

Но я героически справился с собой и, кусая губы, спромогся на ответ:

– Вообще-то я здесь живу.

– А-а, – спортсмен и не подумал улыбнуться. – Меня вот тоже поселили. Жека.

– Гэндальф.

Рукопожатие у него было зверское – а меня еще угораздило после занятий нацепить кольцо. Кровоподтек обеспечен, но будь доволен, что кости целы. Физиономия Жеки, как и следовало ожидать, не тяготилась печатью интеллекта. В детских карих глазах маячил незаданный вопрос: конечно, вряд ли этот юноша когда-нибудь слышал о Профессоре и Средиземье. Впрочем, справедливости ради, я тоже не знал и половины имен Жекиного футбольного иконостаса.

Пацан вернулся к прерванному делу, так ни о чем и не спросив. Я уже был готов бескорыстно заняться его просвещением, когда дверь хлопнула, и я начисто забыл о существовании первого соседа.

– Герка!

– Гэндальф, и ты здесь? Вот это да!

Оказывается, в институт Георгий надел очень даже пристойные джинсы – по сравнению с теми, что бахромились на нем сейчас. Шевелюра в спутанном виде казалась в два раза пышнее, а на шее висела витая веревочка, скрываясь за воротом растянутой майки; наверняка не крест, а какой-нибудь амулет.

– Нет, ну надо же! – не переставал удивляться Герка. – В одной комнате!!!

– Везуха, – согласился я. – Это твоя? – кивнул на гитару. Хотя чья же еще?

– Ага.

Он повалился на кровать, закинув на спинку ноги в драных кроссах. Подцепил гитару за край обечайки, описал грифом полукруг и, пристроив инструмент на груди, с ходу взял несколько аккордов. Заинтересованный Жека обернулся от своих бумажных кумиров. Лежа на спине, Герка прилично сбацал соло из последнего альбома «Арии», а потом без всякого перехода изобразил джазовую импровизацию. Словом, надолго отбил у меня охоту просить гитару для извлечения блатного ля-минора и «шагов на кладбище».

– Круто, – признал я.

Герка махнул рукой: мол, фигня это все.

– Как оно тебе? – спросил он. – В смысле первый день?

Я пожал плечами:

– Не знаю пока. Загрузили по самое не могу – списки книжек, внеклассные работы… или как это здесь называется?… В общем, будем посмотреть. Группа подобралась хреновая. Одни местные пижоны и девки-дуры. А у тебя?

– Мы с Владом вместе попали. Он классный парень, программист, уже работает на одной фирме… могут же люди! И вообще народ продвинутый. Городские… – он и не думал скрывать зависть; даже стало обидно – посмотрел бы я на этих «городских» с гитарой в руках. Кто-кто, а Герка никак не тянул на простого сельского парня. Впрочем, у каждого свои заморочки.

– А как с девчонками? – поинтересовался я как можно развязнее.

Краем глаза отметил, что Жека демонстративно вернулся к своим футболистам. Еще и женоненавистник; н-да, ну и соседство. Что ж, не может же везти сразу во всем.

Герка присвистнул и пробежался пальцами по грифу:

– Супер. Что не может не радовать!

Я был с ним солидарен. Правда, в Мареевке у меня осталась Большая Любовь, но если учесть, что она со скрипом соглашалась целоваться в подъезде, я не верил в наше общее будущее. И вообще, старые связи портят вкус новой жизни; афоризм вышел прикольный, и я решил его записать. Хотя уже тогда знал, что забуду.

Тем более что как раз в тот момент в дверь постучали.

– Привет, ребята, – в полуоткрытую створку заглянул высокий светловолосый парень. – Меня зовут Андрей, будем знакомы. Тут этажом ниже вечеринка по случаю начала, присоединяйтесь! Там уже есть люди с вашего курса. О, у вас гитара, здорово! Пошли!

Мы с Геркой переглянулись, и он вскочил, напоследок ударив по струнам. И только Жека, непонятный юноша, буркнул, зашнуровывая кроссовки:

– Не могу, мне надо в библиотеку.

Мы его не уговаривали.

* * *

– За новую волну «Миссури»! – сказал Андрей. – Дзень!

Мы подняли одноразовые стаканчики и все хором рявкнули «дзень». По-приколу, мне понравилось. Что «Миссури» – это законное прозвище МИИСУРО, я допер

чуть позже. Тоже прикольно.

На кухне четвертого этажа собралось человек двадцать; кто попритягивал стулья из комнат, кто сидел на столе, а кто прямо на полу. Андрей (без него, ясно, не было бы никакой вечеринки, а учился он на третьем курсе) расположился на подоконнике, свесив ногу. Он обнимал девчонку с длинной черной косой. Очень красивую, причем совершенно не попсово, – это прямо-таки било в глаза. Еще у нее было какое-то непопсовое имя: такое должно запоминаться с первого раза и навсегда, а я почему-то тут же забыл. С меня станется. Впрочем, она все равно девчонка Андрея…

Другие барышни ей в подметки не годились. В том числе Наташка Прозрачная Кофточка, одетая сейчас непрозрачно, зато очень обтягивающе и ярко: кровавая водолазка и ядовито-фиолетовые лосины. При ней имелись две подружки-соседки, но их как-то и видно не было. А на столе неожиданно обнаружилась сидящая по-турецки Алина с экзамена – вот это номер, я был уверен, что она самая что ни на есть столичная штучка. Меня она в упор не узнавала; ну и ладно, не очень-то и хотелось.

– … я и говорю: элементарный пиар-проект, – выпив за тост Андрея, она продолжала что-то доказывать пацанам, сгрудившимся вокруг. – Но этот пиар-проект работает на нас же. Образование здесь дают в любом случае не ниже уровня других столичных вузов, а на рынке труда мы изначально оказываемся в выигрышном положении. Диплом «Миссури» – и тебя берут в самую солидную контору! Хотя лично я не собираюсь ждать диплома. И пять лет прожить в общаге тоже не…

Нет, я при желании тоже могу нагрузить на какую хочешь тему. В школе так и поступал с училками, если не был готов к уроку. Но чтобы по доброй воле, и своих же парней-однокашников… «Рынок труда»! Зануда стриженая.

Раздался негромкий, пробный звук гитары, и я повернул голову. Геркин инструмент уже был в руках Андрея. Подтянув пару колков, он начал играть простым боем; все разом замолкли и приготовились слушать.

Андрей улыбнулся:

– Нашу?

И вполголоса запел из Цоя:

– Я сажаю алюминиевые огурцы – а-а -

На брезентовом поле…

Многие подхватили припев сразу – наверное, старшие курсы; хотя кто не знает эту песню? У Андрея не то чтобы был голос, но пел он действительно здорово. Он, как бы это объяснить? – держал нерв песни, не давая ее испохабить нашему вразнобойному хору. Его девчонка тоже подпевала. А тот куплет, где про кнопки с дырками и никто никогда не помнит слов, она сообразила сама – соло, так это называется. Не знаю, как вы, а я еще не слышал, чтобы девчонка пела настолько… да, непопсово. По-другому не скажешь.

Потом Андрей пел еще – из «ДДТ», из Гребенщикова, из Высоцкого… Кто подпевал, кто слушал, кто не очень, кто курил, кто трепался по углам. Алина продолжала втыкать что-то глобальное, Наташка обнималась возле мусоропровода с длинным третьекурсником, Герка с тихим вожделением косился на гитару, но пел увлеченно, даже азартно. Пацаны и девчонки, постепенно обзаводясь именами и лицами, по очереди поднимали тосты, и мы изо всех сил, кто кого переорет, вопили «дзень»… В общем, было классно. И я проникся, наконец, тем, что не зря поступил в этот супер-пупер МИИСУРО. То есть, раньше я и не думал, что сомневался, но, раз так, то, значит… а, черт с ним. Проехали.

А затем девчонка Андрея что-то прошептала ему на ухо. Он спрыгнул с подоконника, и она тоже спрыгнула, положив ладони ему на плечи. Только тут я заметил, что Андрей и его девчонка одеты не так, как остальные. Я имею в виду, не по-простому, для общаги, а… ну, вы поняли. Н-да, похоже, я уже малость перебрал: трудновато стало подбирать слова, это у меня первый признак.

– Всем счастливо! – объявил Андрей. – Гуляйте дальше без нас. Жалко, здорово тут… может, я еще вернусь.

Девчонка бросила на него взгляд – короткий-короткий – но лично мне стало ясно: если он доставит ее домой, а сам вернется к нам, она будет реветь полночи. А может, и нет, – это было бы попсово, не в ее стиле. Но все равно. Я бы на его

месте не возвращался.

– Андрей живет в общаге? – спросил я после их ухода у третьекурсника Вовки.

Тот пожал плечами:

– Местами. Комната у него тут есть, иногда остается ночевать. Но вообще у Андрюхи своя хата в городе, батя купил. Батя у него… – Вовка присвистнул. Наверное, хотел, чтобы его и дальше расспрашивали с пристрастием. Но лично я не по этим делам, в смысле сплетен. Тем более, что к нашему разговору уже вовсю – ушки на макушке! – прислушивалась Алина.

Когда Андрей с его девчонкой ушли, вечеринка в один момент увяла. То есть, никто не расходился, и тосты вроде были, и Герка, завладев, наконец, гитарой, подбирал на подоконнике что-то, кажется, из «Металлики»… Не то. Я даже начал потихоньку продвигаться к выходу.

И тут неожиданно подала пьяноватый голос Наташка. Обращалась она, по-видимому, к Георгию:

– Слушай, как тебя… Спой чего-то, а? А то скучно.

Герка заметно смутился. Прошелся с баррэ по всему грифу, потом изобразил на двух струнах «Турецкий марш», – думал, что бы спеть. И придумал – не сказать, чтобы очень в тему.

– Из классики, – он кашлянул. – Старинная студенческая песня.

Заиграл ля-минор перебором. И запел тихо, медленно, постепенно повышая голос и самую малость дурачась:

– Поднявший меч на наш союз

Достоин будет худшей кары.

И я за жизнь его тогда

Не дам и самой ломаной гитары…

Никто его не слушал. Народ постепенно разбредался, временами громко хлопала дверь.

– Старье какое-то, – недовольно пробормотала Наташка.

… А мне понравилось.

Алина, 33 года

Когда утро начинается с возвращения домой, трудно осознать, что это именно утро.

Заспанный охранник ночной смены снял входную дверь с сигнализации и широко распахнул створки перед хозяйкой. Горничной еще не было, она приходила к семи. Алина прежде всего заглянула на кухню, засыпала в кофеварку кофе и установила готовность двадцать минут. Потом передумала, перепрограммировала на пятнадцать. Пятнадцати хватит с головой.

В ванной она сбросила одежду прямо на пол и забралась под контрастный душ. Холодно-горячо-холодно; по телу пошли жгуче-щекотные волны, однако ощущения утра все равно не было. Захотелось на все плюнуть и принять горячую ванну.

Запищала мобилка – Алина не сразу сообразила, откуда. Конечно: сумка осталась погребена в клубке одежды на полу. Перегнувшись через борт джакузи, попыталась дотянуться до нее; ну да, вот если бы руки на полметра длиннее… Интеллигентно выругалась, закрутила кран и спрыгнула на пружинистый коврик.

– Это я, – звонил муж. – Ты где сейчас?

– Дома, разумеется.

– Отлично. Я сейчас приеду. Нужно проговорить пару моментов.

– Давай, жду.

Перед тем, как набросить махровый халат, Алина покрутилась перед зеркальной стеной. Последние недели две категорически не удавалось выкроить время на тренажерный зал, и очевидно, что ближайшие три месяца свет в конце тоннеля не появится. Ничего, она пока может себе это позволить. Ни грамма жира, ни сантиметра целлюлита. Полукруглая черточка на животе дает знать, где в будущем ждать появления складки, – но до самой складки еще далеко. Впрочем, хороший комплекс массажа не помешает. Сразу после выборов.

Она подсушила феном короткие волосы и нанесла на лицо и шею освежающий крем. Запахнув халат, вышла и начала спускаться по ступенькам; нет, все-таки не стоило в свое время настаивать на размещении кухни и ванной на разных этажах. Кофе, наверное, уже стынет.

Разумеется, как всегда и всюду, она успела вовремя: кофеварка как раз отключилась с тоненьким сигналом. Алина прошла с чашкой в холл, села в кресло и клацнула телевизионным пультом. Семь часов: по четвертому каналу пятиминутный утренний выпуск новостей, а потом по первому десятиминутный с обзором ожидаемых событий дня… Черт возьми, неужели только семь? Она не могла избавиться от ощущения, что уже хорошо за полдень.

На четвертом, похоже, были какие-то технические проблемы: вместо новостей вторую минуту крутили клипы. Алина не без удовольствия посмотрела запись «Битлз», которая считалась старой-престарой еще во времена ее ранней юности; жалко, что застала самый конец. Следующий клип по контрасту ошеломлял новизной, разгулом немыслимых компьютерных эффектов. Честное слово, она захотела переключить канал мгновением раньше, чем на экране появилась певица. И, честное слово, никогда раньше не слышала этой пес…

– Алина Игоревна, оставьте! – взмолилась горничная. – Это же Звенислава!

Понадобилось пару секунд, чтобы взять себя в руки и холодно бросить через плечо:

– Ну и что?

Она отключила звук телевизора, заткнув певичке рот. Дело, конечно, не в ней. Просто если эта девчонка не разучится вот так неслышно, как призрак, появляться за спиной, придется ее уволить. И вкусы у нее, однако. И манеры.

– Доброе утро, Люба.

Горничная спохватилась:

– Доброе утро, Алина Игоревна! Я…

– Убери в ванной.

Звезда на экране беззвучно шевелила губами, ее длиннющие накладные ресницы переливались, как крылья бабочки. Крупный план, видно даже пушок на щеке. Кстати, ей уже тридцать пять… неплохо сохранилась.

Однако новостей на четвертом канале, похоже, вообще не будет. Алина клацнула на первый и вернула звук:

– … начнут встречи с избирателями. Социологическая служба «Социум» обнародовала первые результаты опроса общественного мнения. Согласно их данным, наибольшие шансы выйти во второй тур наряду с безусловным лидером Владимиром Николаенко имеют следующие кандидаты: Юрий Виерский, Анна Гроссман, Андрей Багалий. Социологи подчеркивают, что это лишь стартовые позиции кандидатов и в ближайшее время картина может измениться до неузнаваемости. И еще одно исследование «Социума»: в роли символа нации, способного сплотить ряды избирателей, восемьдесят два процента опрошенных видят популярную эстрадную певицу Звени…

– Зачем ты выключила? – спросил Андрей.

* * *

– Привет.

– Привет. Пьешь кофе?

– Уже допила, – Алина поставила пустую чашку на столик. – Ты слышал? Анька в лидерах.

– Заплатила, – уверенно сказал Андрей.

– «Социуму» можно заплатить?

– Всем можно заплатить, – муж упал в кресло напротив. – Хотя дороговато, наверное.

– Все, кому можно, у нас уже охвачены. Но «Социум», насколько я знаю… – она сделала пометку в ежедневнике. – Сегодня выясню.

– Сегодня… черт возьми! – Андрей зевнул. – Никак не могу проснуться. Такое чувство, что у нас еще вчера, – он нажал кнопку на журнальном столике. – Люба, свари кофе. Ты будешь еще? – Алина кивнула. – Два. В холл.

Его безразмерные ноги уходили под стол. Безупречные складки на брюках; надо же, успел переодеться. Похоже, у него и там гардероб. Она подняла глаза: лицо у Андрея было свежее, без намека на круги под глазами, с легкой светлой небритостью, которую Алина сама же и придумала в качестве небрежного компонента его имиджа. И значок выпускника «Миссури» на лацкане нового пиджака: не забыл переколоть. Это хорошо.

– Ты что-то хотел проговорить, – напомнила она.

– Да, – он выпрямился. – У нас кое-что не продумано. Вот сегодня жеребьевка; тут же пойдут приглашения на всякие интервью-эфиры-дебаты. Я, согласно нашей стратегии…

– … сожалеешь, но не можешь. Завтра же выезжаешь в регионы, потому что конкретная работа с избирателями на местах для тебя важнее пустой говорильни и т. д. и т. п. Все вопросы – к пресс-секретарю.

– Вот именно. В переводе – «спросите у моей жены, она лучше знает», – Андрей присвистнул. – Так и получается, разве нет? И как я, по-твоему, буду выглядеть?

Алина подперла кулаком подбородок:

– Ты прав. Надо переформулировать; я подумаю. Что еще?

Вошла горничная с подносом. Андрей потянулся за чашкой с жизнерадостным нетерпением ребенка, честно заработавшего хорошим поведением свою конфету. Хорошо. Впрочем, что-что, а обаяние в Андрее всегда било через край. Даже в те времена, когда никто не занимался его имиджем.

– Знаешь что, Алька, – он отпил маленький глоток, – давай пять минут просто попьем кофе. Без политики. Мы с тобой уже черт-те сколько не оставались вдвоем…

Это уж точно, подумала Алина с каким-то усталым злорадством. Да и зачем?

– … и поболтаем, как муж с женой. О друзьях, о родителях… Как там твои?

– Нормально, – отозвалась она. – Кстати, надо бы позвонить.

На этом разговор «о друзьях и родителях» завис. Горничная опять сварила чересчур крепкий кофе; вычесть из зарплаты, иначе не поймет. Морщась, Алина проглотила все до дна, словно микстуру, поперхнулась гущей, закашлялась. Андрей пил медленно, с удовольствием. Его длинные глаза улыбались из-за чашки, приглашая еще побеседовать о каких-нибудь родителях или друзьях…

– Гэндальф звонил, – вдруг вспомнила она.

– Кто?

– Сашка Линичук, – со вздохом пояснила Алина; над памятью Андрею работать и работать. – С моего курса. Помнишь, из той компании, где Герка с гитарой… и Влад.

Она очень старалась, чтобы паузы не было, – но та все-таки выскочила, зияющая, будто прореха в общежитском диване. Об этом сейчас не надо, ни в коем случае. Такие вещи нельзя вспоминать в день старта предвыборной кампании, перед жеребьевкой и нашествием журналистов. Хоть бы Андрей не…

– А-а, Гэндальф. Так бы и сказала. И что он хотел?

– Денег, наверное, – ее голос прозвучал облегченно, как облачко; пронесло. – У меня постеснялся просить. А тебя он ближайшие три месяца не вызвонит, обещаю.

– Ты лучший на свете пресс-секретарь, – Андрей отодвинул допитую чашку. – Так вот, еще один момент. Важный. Где ты сегодня ночевала?

Ничего себе!.. Алина словно со стороны увидела собственные глаза – вытаращенные, как плошки. Сморгнула, взяла себя в руки:

– А ты?

Муж пожал плечами:

– Это мое дело. Я по имиджу не добропорядочный отец семейства, а нормальный мужик. Но не рогоносец. Согласись, Аля, что имидж рогоносца еще никому не помогал пройти во второй тур. Так что учти и прими меры. Договорились?

Она медленно кивнула. Действительно, глупо надеяться, что ей удастся все – да хотя бы что-то! – скрыть от журналистов и, соответственно, «широкой общественности». Частная жизнь публичных личностей – никому до сих пор не удалось определить ее границы, а значит, их нет вообще. Привыкай. Да, но откуда Андрей?…

Но пусть не думает, что все так просто.

– Договорились, – она взяла со столика пульт и включила телевизор. Поклацала по каналам; черт возьми, не может же быть, чтобы нигде… а, вот. По восьмому крутили все тот же новый клип. – Как тебе? Нравится?

Взмах громадных ресниц всех цветов радуги. Кроме них, на лице вроде бы ни капли косметики; конечно, так только кажется. Ей уже тридцать пять. И хрипотца в голосе – пятнадцать лет назад ее точно не было…

– Да, – сказал Андрей.

Хорошо. Безупречно владеет собой; или ему и вправду все равно.

– Вот и позвони ей по старой дружбе, – Алина усмехнулась: будем надеяться, что не слишком нервозно. – Нормальный мужик…

И вдруг он рассмеялся – звонко, самозабвенно, как мальчишка. Забрал у жены пультик, прибавил звук, – и голос Звениславы наполнил весь дом от фундамента до крыши. Легко было представить, как где-то на втором этаже замерла в благоговейном экстазе горничная Люба. Потом плавно сбавил громкость до нормальной и ниже, до полушепота. Обернулся; в глазах прыгали смешливые искорки:

– А не боишься?

Алина вздохнула:

– Я же тебе не жениться на ней предлагаю. На символах нации не женятся, но общение с ними поднимает рейтинг. К тому же она выпускница «Миссури». А эта твоя рыжая – нет.

Андрей еще раз улыбнулся и выключил телевизор:

– Я подумаю.

* * *

Пробка, похожая на бесконечную гусеницу, протянулась по всему проспекту и далеко впереди изящно загибалась за угол. Водитель обреченно посмотрел на Алину. Она взглянула на часы. Срываются две встречи – и да здравствует, надо только звякнуть отменить. Под вопросом презентация – это хуже, там должны быть несколько нужных людей… но до нее еще полтора часа. Да, и перед жеребьевкой обязательно заскочить в офис. А пока…

Она распахнула дверцу; слава богу, что не застряли во втором-третьем ряду.

– Если тронется, езжайте в офис. Я хочу пройтись.

Алина неторопливо пошла по проспекту, и бесчисленные автомобилисты с тоской проводили взглядом ее ножки под юбкой посольской длины. Хорошо, что уже весна. Хотя вряд ли ее удастся как следует рассмотреть, эту весну…

Впереди рабочие наклеивали на бигборд поверх какой-то рекламы лицо Андрея, аккуратно стыкуя гигантские прямоугольники. Смеющийся голубой глаз, чуть небритая щека, половина улыбки. Четкий, контрастный значок на лацкане. «Андрей Багалий – отличник первого выпуска МИИСУРО. Голосуйте за Будущее!».

Она прищурилась, отступила на шаг. Неплохо. За месяц до выборов надо заказать еще пару тысяч по стране. Из всех кандидатов он самый фотогеничный, это уж точно.

И совсем не изменился… Похожая фотка – только поменьше форматом – тиражировалась и лет двенадцать назад, когда в зазоре между окончанием института и началом карьеры в отцовской компании Андрей против чего-то протестовал, кого-то возглавлял и даже вроде бы чего-то добился… То есть, как имиджмейкер и пресс-секретарь, она, конечно, знала всю его биографию досконально, но по-человечески не придавала этим вещам значения – ни теперь, ни тогда. Тогда она уже не была в него влюблена.

А вот пятнадцать лет назад – все-таки была, что бы там ни говорили; потому и не могла судить объективно. И ни в коем случае нельзя позволить всплыть на поверхность той старой, странной, страшной истории с Владом… очень некстати вспомнился он сегодня. Но Андрей не заметил; значит, ничего такого и не было.

Есть реальные приоритеты и цели.

Президентом Андрей, разумеется, не станет; сейчас главная и единственная задача – выйти во второй тур. Потом – никаких политических постов, симпатий каким-либо партиям и движениям, минимум публичной деятельности; тихая и успешная работа гендиректором компании на благо отечественной экономики. Пять лет они будут ностальгировать по его молодости и улыбке. Постепенно уверятся, какими идиотами были, отдав голоса этому старпёру Николаенко, дотягивающему последние, хоть и убедительные дни во власти. И на следующих

выборах…

Доживем.

Гусеница на дороге совершенно сдохла. Алина миновала зеркальные витрины нескольких бутиков – ее собственная фигура явно выигрывала по сравнению с манекенами – и замедлила шаги у стеклянных дверей «Двух калорий». Есть смысл перекусить: до офисного буфета не добраться, а от презентации культурного проекта в любом случае не стоит ждать солидного фуршета. Она усмехнулась. Муж предлагал позавтракать дома, по-семейному, – но лично ей «семейного» кофе вполне хватило. Последнее время она и без того чересчур часто видела Андрея.

В «Двух калориях» было прохладно и по-деловому уютно. Алина заказала завтрак № 18 и – не хватит ли на сегодняшнее утро?… ладно, к черту, – еще один кофе. Кстати, сеть этих ресторанчиков тоже держала ее бывшая однокурсница, которая за пару лет здоровой конкуренцией свела к минимуму существование в городе других точек быстрого питания. Алина усмехнулась: как-то раз, еще на первом курсе, она застукала ту барышню любовавшейся сквозь стекло потусторонней красивой жизнью «Макдональдса». Девочка из провинции, не прочь хорошо поесть. Как ее звали?… Лена? Наташа?… забыла; но в списке она есть.

Кое-что с тех пор изменилось. И кое-что – действительно таки благодаря выпускникам «Миссури», в чьих руках потихоньку сосредотачивается Будущее в виде руководящих постов во всевозможных сферах. Перечень фамилий смотри в расширенной версии предвыборной программы кандидата в Президенты Андрея Багалия. Алина сама составляла этот список, как можно выигрышнее располагая по порядку имена и должности. Статистика подобралась неплохая; и в конце концов Андрей всерьез проникся идеей сделать фишкой избирательной кампании не свое мятежное прошлое, а именно учебу в институте. Либерал-социалистка Анька Гроссман – на курс моложе Андрея и, соответственно, старше Алины, – говорят, успела в узком кругу осмеять их тактику. Ну как тут удержаться от банальной цитаты о том, кто смеется последним?

Она отпила кофе. Девушки из «Двух калорий», в отличие от Любы, умели его варить.

За окном двигались люди и стояли машины; под стволами деревьев, заключенных в шестигранные одиночные камеры, пробивалась яблочно-зеленая трава. На нижнюю ветку ближайшего каштана кто-то надел стаканчик с символикой «Двух калорий». Обычная среднестатистическая весна, – если, конечно, не считать обрывка николаенковского плаката под тем же деревом. Но и выборы – вещь ординарная.

Пятнадцать лет назад студентам «Миссури» врали, что именно они изменят мир. Врали настолько убедительно, что в это поверила чуть ли не вся страна. Она, Алина, тоже бы прониклась, – да только вот мир, извините, не меняется. Вернее, не НАСТОЛЬКО меняется. Обычные эволюционные процессы: плавный – ничего сверхъестественного – подъем в экономике, несколько рядовых научных открытий, очередной довольно вялый виток в культуре-искусстве…

Эта рыхлая, но оптимистичная стабильность и обеспечивает пока реальное, а не декларируемое лидерство кандидата от власти Владимира Николаенко, за последние годы примелькавшегося то в правительстве, то в парламенте. Ни оппозиции в лице Виерского и Гроссман, ни тем более Андрею с его значком завоевателя Будущего, – этого монстра не свалить. Во всяком случае, в нынешнем сезоне. Народу больше нравится вовремя получать хорошие зарплаты, чем мечтать о прорыве. А народ обычно прав.

Что ж, умные люди – и Алина в том числе – всегда знали, что и у этой страны есть какое-никакое будущее; обойдемся без больших букв. Проект «Миссури» просто дал своим участникам возможность оказаться наверху: пусть пока не на самом, но это дело времени… Наверху того, что есть. Ничего принципиально нового не построено, и вряд ли он когда-нибудь будет, обещанный прорыв. Да и возможностью воспользовались далеко не все… стоп. Вот только не надо опять о Владе.

А электорату вообще необязательно знать обо всем этом. Пусть лучше научится узнавать Андрея Багалия в лицо.

Она взглянула на часы: до презентации оставался еще почти час. Как насчет метро?

Но когда Алина вышла на улицу, неповоротливая гусеница вздохнула облаком выхлопных газов, дрогнула и потихоньку пришла в движение. Через две минуты

рядом просигналил Алинин водитель, на малом ходу распахивая дверцу автомобиля. Впереди пробка уже практически рассосалась.

Успеваю, без особых эмоций констатировала Алина. Она всегда и всюду успевала.

* * *

– Господин Багалий, руководство нашего канала приглашает вас принять участие…

– Уважаемый Андрей Валерьевич…

Андрей останавливался, кивал, с искренним интересом выслушивал всех до конца. И с очаровательнейшей улыбкой разводил руками:

– Очень рад бы, но не могу. Завтра же еду в регионы: масса работы. Ближайший месяц, боюсь, в столице меня никак не поймать… Если что, обращайтесь к моей жене, – он на секунду слегка обнимал ее за талию. – Вот, оставляю Алину Игоревну на хозяйстве…

То, что в подтексте действительно могло бы вызвать ненужные трактовки и подпортить его имидж, открытым текстом звучало просто и по-человечески, на грани шутки и серьеза. Эта элементарная идея пришла в голову уже по дороге на жеребьевку; тут Алина была собой довольна.

Она улыбалась. Раздавала визитки. И усилием воли расслабляла верхнюю часть лица, не давая бровям сойтись над переносицей.

Потом. Когда они с Андреем останутся наедине.

С жеребьевкой, в принципе, сложилось как нельзя лучше. Эфир на первом национальном телеканале – примерно за месяц до выборов. Радиоэфир – за две недели. И официальные дебаты расположились довольно удачно: с Владимиром Николаенко Андрей встретится буквально в последний день кампании, а с Анной Гроссман – в начале; ради них ему придется прервать поездку, но и это на пользу. Стервозная баба, отвлекающая человека от дела, – примерно так оно

будет выглядеть в глазах избирателей, Алина уж постарается.

– … странновато для серьезного политика, – встречным поездом просвистело мимо. – Не удивлюсь, если господин Багалий укажет в своей программе, какие он посещал ясли. Да, МИИСУРО и мне многое дал, я с благодарностью вспоминаю своих педагогов, но…

Гренадероподобная Гроссман неслась вперед, окруженная микрофонами и диктофонами в протянутых руках задыхающихся журналистов: невольно вспоминалось хрестоматийное полотно «Петр Первый». На секунду она взглянула в их сторону, и Андрей дружески помахал бывшей однокашнице; его сфотографировали. Хорошо. И все-таки надо что-то с ней делать.

– Надо что-то с ней делать, – сказала Алина, захлопывая дверцу автомобиля.

– Зачем? – муж приложил руку к стеклу: последнее фото. – Анька умная баба, но у нее нет шансов. Хоть бы фамилию сменила – в нашей-то стране…

– Она закончила «Миссури».

– Не переживай. Я ее на дебатах…

Алина покачала головой:

– Ее нельзя выставлять неудачницей: выйдет удар по нашей же платформе. Но при всех своих идиотских заявлениях насчет «Миссури» эта баба может серьезно перетянуть на себя твои голоса. И тогда Виерский… ну, ты понимаешь. Я пока не знаю, как сделать. Надо подумать.

Автомобиль тронулся. В офис: там Андрей коротко напутствует свою команду перед отъездом. Его водитель и двое сопровождающих уже готовы. Она поймала себя на мысленном вздохе облегчения: боже мой, целый месяц не видеть его… ну и глупо. Этот месяц муж будет рядом, как никогда. И уж конечно, никакой личной жизни не предвидится.

Кстати.

– Держи, – она вынула из сумочки компьютерную распечатку и протянула ему. – Слегка меняем маршрут. Петрович уже в курсе.

Андрей пробежался взглядом по бумажке. Удивленно вскинул глаза:

– Чего ради?

У водителя совсем тихо, чтобы не мешать разговору, играло радио. В паузу перед ответом проскользнул звенящий, чуть хрипловатый голос… черт, да хоть кто-то в этой стране слушает что-нибудь другое?!..

Зато не придется называть ее по имени. Алина терпеть не могла это претенциозное имечко – еще тогда.

– Она устраивает турне, – пояснила бесстрастно. – Никакой политики, я проверила. Не знаю, зачем ей это понадобилось именно сейчас. Так вот, здесь и здесь, – ткнула пальцем в распечатку, – вы с ней ненавязчиво пересечетесь. Поужинаете, покрутитесь на людях. Должно сложиться впечатление, что она концертирует в твою поддержку.

Глаза Андрея смеялись:

– А если сложится впечатление, что это я под видом работы в регионах гоняюсь за…

– Не сложится, – отрезала Алина. – Ты же, надеюсь, еще ей не звонил?… И грамотно дозируй: чуть-чуть клубнички, немного ностальгии, а главное – как можно больше старой студенческой дружбы. Если добьешься, чтобы она действительно агитировала за тебя…

– Не добьюсь.

– Знаю. Но пускай в каждом интервью и на каждом концерте упоминает, что училась в «Миссури». ЭТО она для тебя сделает.

Андрей пожал плечами:

– Договорились. Не нервничай.

Машину слегка тряхнуло на повороте. Алина коснулась плеча Андрея; вздрогнула, отстранилась. Совершенно чужой человек. Исключительно деловые отношения. С чего это он взял?…

– Я не…

– Ты нервничаешь. Еще на жеребьевке. Нет, ты неплохо держалась: думаю, я один заметил… Так в чем дело?

Да – он ведь еще не знает. Он!.. как она могла забыть… но сказать не было случая. Алина прикусила губу и наконец-то нахмурилась. Машина уже подъезжала к офису; быстрее, никто из команды не должен догадаться. Вернее, они всегда считали, что так оно и есть. И для них должно оставаться непререкаемой аксиомой решение, которое она приняла каких-нибудь два часа назад.

– Сделайте погромче, – попросила она водителя.

И под мажорную музыку – слава богу, уже другую, – шепнула:

– Андрей, мы идем на победу. Уже сейчас.

Его брови взъехали:

– Да ну?

И тут Алина по-настоящему разозлилась. Вот оно что! – ему вся эта предвыборная кампания представлялась игрой, забавной и ни к чему не обязывающей. Повод проверить на большой аудитории свое обаяние, отточить красноречие и пораспускать вовсю перья перед зеркалом электората. А заодно продегустировать «поляны» в селах и местечках, пощупать региональных красоток и даже – свежая идея, подброшенная женой, – популярных певи…

Пробный шар, – она сама его так настроила. И дура!.. стратегические планы следовало держать при себе, а теперь… Попробуй переориентировать его на

серьезное дело! Не за пять лет – за пять минут оставшейся дороги до офиса…

– Я встретила на презентации Цыбу, – скороговоркой сквозь зубы, – и, знаешь, он очень нехорошо пошутил. Он сказал…

Андрей облегченно вздохнул:

– Расслабься. У вашего Цыбы никогда не было чувства юмора.

– … Он сказал: сделайте нам интересные выборы, это ведь в последний раз… или что-то вроде того.

– И?

Алина сжала кулаки. Напрягла руки, грудь, шею, все тело… сосчитала до трех… сбросила напряжение. Спокойно, совершенно спокойно:

– Цыба, как ты помнишь, тоже выпускник «Миссури». И он единственный – во всяком случае, на нашем потоке, – поступил туда по большому блату. И вообще… не думаю, что ты забыл.

– Ничего я не забыл. Но тем более! Ничтожество, я всегда говорил. А ты…

– Он знает, Андрей. Он не стал бы просто так… Он ЗНАЕТ.

Водитель припарковал машину и разом отключил мотор и музыку. Тишина ударила по голове; Алина поспешила распахнуть дверцу, впуская весенний уличный шум.

Андрей вышел с другой стороны и успел обойти вокруг автомобиля, чтобы подать ей руку. Он улыбался. Светло и искристо, словно бокал шампанского на просвет. Как всегда.

– Ты слегка зациклилась на своей концепции, – сказал он, не снимая улыбки. – «Миссури», «Миссури»… ну сколько можно! Не забывай, что ты и сама его закончила.

Входная дверь захлопнула солнце, и лампы дневного света по контрасту показались тусклыми болотными огоньками. Алина резко отвернулась к лифту, нажала на кнопку.

Да, она и сама.

Он не мог сильнее унизить ее.

Наталья, первый курс

… И как всегда, на самом интересном месте затрезвонил будильник. Я его когда-нибудь расколочу. Прямо у Хулиты на башке.

Я повернулась на другой бок и натянула на макушку одеяло. И все равно слышала, как девки подорвались и начали собираться. Нет, я не догоняю: сегодня же первой парой лекция по информатике, муть голубая, и старшие курсы рассказывали, что Зебра по-любому всем ставит. Но Хулита у нас, понимаешь, умная. Ленка – дура дурой, но все за ней повторяет. И не дают человеку поспать. Вот, и свет врубили, стервы!..

– Где мой конспект? – возмущалась Хулита. – Слышишь, Лен, вчера дала Наташке списать… и куда она могла его сунуть? Будить не хочется…

Она у нас добрая. Если б еще не такая умная, было бы вообще неплохо. А конспект я одолжила ребятам из четыреста пятой, но если сказать, она, пожалуй, не так поймет. Не хочет будить – и не надо.

– Я макароны варю, да, Юль? – подала писклявый голос Ленка. – На двоих. А Лановая сама себе потом…

– Да, вари. Ну где ж он может быть?…

– Дуры вы обе, – сказал Русланчик. – Натали, подвинься. Какие у вас в общаге узкие кровати… вот так. Хорошо…

И я догнала, что снова сплю.

… Когда проснулась, на проклятом Хулитином будильнике было пол-одиннадцатого. По-хорошему, еще бы спать и спать: но интересный сон кончился, пошла какая-то фигня. Я потянулась и сбросила одеяло. Если поторопиться как следует, можно успеть на вторую пару, испанский. А если не торопиться – то на третью, к Вениаминычу. Поспешишь – людей насмешишь. Спишу потом у Хулиты, она у нас главная испанка. А Русланчик все равно в английской группе.

Так что я не спеша поднялась, набросила халатик – модный, тигровый, матушка недавно из Турции привезла, – причесалась и щедро намазала физию Ленкиным кремом. Он у нее от прыщей, только ни капельки не помогает, – а мне в самый раз. Сбрызнулась Ленкиными же духами и пошла варить макароны.

На кухне, конечно, опять был жуткий свинарник. Пол немытый, раковина забилась, возле мусоропровода бутылки и всякая гадость. По графику дежурила четыреста восьмая: ну попадитесь только! И плита горела в четыре вечных огня, хотя заняты были только две конфорки: на одной исходил диким свистом чей-то чайник, а на другой жарил яичницу Линичук из четыреста пятой.

– Привет, Наташа.

Я небрежно кивнула. У них в четыреста пятой один Женечка ничего, а так и пощупать нечего. И вообще я не по общаговским; ну, Вовик с третьего курса не в счет. Встречаться надо с местными пацанами, а эти… Конспекты даю по-соседски, тем более что не свои, но клеиться не фиг. Хотя халатик мой, тигреночек-мини, – он всех впечатляет, знаю.

Линичук пялился на мои ноги, а яичница у него на сковороде уже исходила черным дымом. Еще, к чертям, волосы провоняют; ну его.

– Подгорает, – сообщила я. – Яйца твои горят, Гендель.

Прикол получился – супер, но этот задохлик и не улыбнулся. Хорошо хоть, сковороду с плиты убрал и держал на весу. Я подошла ближе и поставила на огонь кастрюлю; подумала и перекинула на подоконник чужой чайник, сипевший из последних сил. Я тоже добрая – иногда.

– Гэндальф, – вдруг сказал Линичук. – Гэн-дальф. Слушай, Наташка, давно хочу тебя спросить: как ты поступила в «Миссури»? Математика… сочинение… как?!

Видок у него был дурацкий: круглые гляделки и сковородка в согнутой руке. Вопрос, похоже, шел из самой глубины души. И я нежным голосом ответила:

– Молча.

Могла бы сказать: не твое собачье дело. Но, думаю, и так понял. Он у нас тоже умный – Гэн-дальф. Имечко, однако.

Тут на блоке раздался жуткий топот, и через две секунды в кухню влетела Алька из четыреста восьмой. Я встала в боевую позицию и уже открыла рот – дежурство! – но она проскочила мимо, метнулась к плите и умудрилась завопить первая:

– Где мой чайник?!

– На подоконнике, – отозвался Линичук. – Наташа сняла.

– А-а. Спасибо, – она схватила чайник и рыпнулась назад. Как будто так и надо.

– Он у тебя выкипел весь! – заорала я вслед. – Вы убирать на кухне думаете?! Смотри, какой с…!!!

Алька затормозила в дверях, обернулась. На ней был серый брючный костюмчик – пацан пацаном – и стоптанные общаговские тапки. Один глаз накрасила, другой еще не успела. И стрижка ее пацанская – умираю. Хоть бы челку залакировала, что ли.

– Выкипел? – встряхнула чайник: там и не булькнуло. – Вот черт. Да, Гэндальф, ты сегодня на парах будешь? Запиши, что Вениаминович даст на семинар, если я не успею.

– А ты куда? – спросил Линичук.

Теперь он пялился на эту замухрышку – во все глаза. На дежурство по блоку ему, конечно, было плевать. А я – у меня просто слов не осталось, одни выражения, – и те переклинило. Не, ну надо ж быть такой стервой! Да я ее…

– В полдвенадцатого собеседование на одной фирме, – Алька взглянула на часы. – Черт!!!

Когда она улетучилась, меня, наконец, прорвало. Линичук вроде бы сочувственно слушал мои маты, местами кивал, задумчиво глядя на свою сковороду с горелыми и уже холодными яйцами. Кстати, кто продымил всю кухню?!.. и вообще, когда дежурит четыреста пятая, то кроме Женечки никто и не чухается!.. Короче, я материла уже лично его: все-таки больше пользы. Та коза, наверное, давно ускакала на свое долбаное собеседование… и скорее всего не опоздала.

Он дождался, пока я выдохлась. И выдал ну совершенно не в тему:

– Значит, придется идти в институт.

* * *

На лекции Вениаминыча по управленским стратегиям я, как обычно, пристроилась рядом с Русланчиком. Жаль, конечно, что он всегда садится в первом ряду. Да еще конспектирует каждое слово.

Русланчик – солнышко. Рост под метр девяносто, фигура как у Микки Рурка, а на лицо как Том Круз, только еще симпатичнее. Глаза голубые; правда, в очках, – но оправа стильная, блеск! И костюмчик, и плащик, и вообще вся упаковка… Кстати, между нами: говорят, Русланчик чуть ли не родной племянник ректора «Миссури». Или вроде того.

Я доставала из сумки пенал и уронила ручку. Не то чтобы специально – просто, когда Русланчик рядом, все из рук так и валится. Он воспитанный, обязательно наклонится и поднимет. А у меня юбка-супермини. И не какие-нибудь колготки, а чулки с узором, черные, на поясе. Хоть и холодно уже.

– Пожалуйста, – сказал он, подавая мне ручку. Вежливый!

– Спасибо, – тоже вежливо ответила я. – Слушай, ты на той неделе на стратегиях был? – дурацкий вопрос: Русланчик с начала года, кажется, ни одной пары не прогулял. – Можно у тебя конспект попросить?

Улыбнулся. Солнышко!

– Не могу, Наташа, извини. В четверг семинар, буду готовиться.

Я улыбнулась еще шире, как кинозвезда. Положила руку сверху на его пальцы:

– Ну я о-очень прошу! До четверга десять раз верну. Ну Русла-а-ан…

– Возьми лучше у Юли Сухой, она в тот раз точно была. Вы ведь в общежитии вместе живете?

Поправил очки на переносице и сел. Слегка надувшись, я тоже упала на место. Жлоб, как все мужики. Но откуда он – местный, не общаговский! – знает, что Хулита живет со мной? Значит, интересуется. Либо Хулитой – чего не может быть, потому что не может быть никогда, – либо мной. Я повеселела, раскрыла конспект и нарисовала вверху новой страницы розочку и сердечко.

И тут в аудиторию вошел препод; причем буквально за секунду перед ним в другую дверь пулей влетела Алька. Успела, стерва.

Все встали. Поднимаясь, я потерлась бедром о ногу Русланчика: как бы нечаянно. Он, конечно, сделал вид, что не заметил.

Заметил Вениаминыч:

– Лановая, отодвиньтесь от Цыбы на два места, – по рядам прокатился гогот; идиоты, было бы с чего прикалываться! – Можете садиться. Тема: «Парадигма авторитета как универсального несущего элемента управленческой системы». Записали? Кто скажет, какую дефиницию авторитета давал Гленн Райт в статье…

Вот теперь по аудитории прошелестел самый настоящий мандраж. Я ухмыльнулась: будете знать, как гыгыкать над людьми!.. хотя сама, конечно, тоже в упор не видела той статьи из списка. Кстати, Хулита говорила, и в библиотеке ее не…

И только Русланчик, солнышко, поднял руку, другой листая конспект. Которым, гад, не захотел делиться.

* * *

На перемене мы с девками пошли в Шар, – Хулита, видите ли, проголодалась. Ленка увязалась за компанию, хотя она у нас худеет. Я совсем недавно в общаге налопалась от пуза, но присоединилась: Русланчик ведь наверняка тоже голодный. На паре пришлось не обращать на него внимания: пусть не думает, что я такая. А после пары уронила линейку и даже спасибо не сказала, когда он поднял. Вот!

В Шаре прикольно. Стены прозрачные, и видно все на улице, – не то что в аудиториях, где окошки мелкие, да и те под самым потолком. Но видно не по-нормальному (стенки-то круглые!), а перекривлено-перекошено, как в комнате смеха. Супер!..

Хулита взяла себе комплексный обед, а мы с Ленкой по соку – я с булочкой, она без. Пристроились за столиком с краю, слева от входа, чтобы глазеть на всех, кто заходит. Хотя лично я села носом в стенку: пусть не думает, что я его нарочно выглядываю. Русланчик, в смысле; а девки мне по-любому скажут, когда он появится. Начался дождик, и Шар с той стороны покрылся капельками: подъезжающие машины стали похожи на жабок в пупырышках.

– Глянь, сапожки – обалдеть, – протянула под ухом Ленка.

– Фирма, – подтвердила Хулита.

Пришлось вывернуться буквой зю, чтоб не отстать от коллектива. Да-а, таких сапожек моя матушка из Турции не возит. Каблучок тонюсенький, чулочки до колен, и настоящая замша, – уж я-то разбираюсь. Девку, торчавшую из сапожек, разглядеть как следует не успела: она уже подошла к стойке, и со спины было

видать только черные волосы до самого того.

– Это Багалия подружка, – сообщила Ленка. – Помнишь, на той гулянке?… Третий курс.

– Андрейчик – солнышко, – вздохнула я.

Солнышко, но занят. Я и не рыпаюсь: такое у меня правило. Не, я бы запросто, – но чтобы потом какая-нибудь коза вцепилась в патлы? Себе дороже. Тем более что вокруг столько незанятых, и даже еще покруче… тот же Русланчик, например. Кстати, где он там?… неужели пропустила?!

Тем временем девки на том краю стола о чем-то шушукались. Когда я развернулась по-нормальному, Ленка ухохатывалась и одновременно кашляла, захлебнувшись соком, а Хулита пожала плечами и выдала:

– Ну и дура.

– Вы это про что? – угрожающе спросила я.

– Расслабься, Натаха, – бросила Хулита. – Не про тебя.

– Али-на… с на… шего блока, – Ленка уже вся побагровела и не могла выдавить ни слова, только махнула рукой мне за спину. – Вон!

Я опять извернулась – черт!.. но интересно же. И вправду увидела Альку, которая как раз заходила в Шар… нет, я умираю! – чуть не под ручку с Багалием! Они о чем-то оживленно болтали и смотрелись настоящей парочкой. До тех пор, конечно, пока Андрей не увидел в очереди у стойки свою девку в суперовых сапожках. И подорвался к ней, а Альке досталось только «пока» через плечо. Я думаю!..

– Дура, – повторила Хулита.

– А может, это любовь? – серьезно сказала Ленка и запила соком.

И мы почти минуту ухохатывались все трое. За мокрой стенкой Шара прогрохотал подьемный кран – чистая Годзилла. А потом Ленка дернула меня за рукав: в дверях появился Русланчик.

Я тоже дернула за рукав – Хулиту:

– Позови его. Попроси ту статью… Глена-как-его-там… ну Юльчик!..

Она посмотрела на меня так, будто делает бог знает какое одолжение. Сильно умная; ну да ладно. Я ей потом припомню, а сейчас…

– Цыба! Можно тебя?

Русланчик обернулся – вылитый Брюс Уиллис с Мел Гибсоном, только еще красивее. Солнышко мое! Подошел и вежливо так сказал:

– Приятного аппетита, девочки. Что тебе, Юля?

Хулита глянула на меня и выцедила раздельно, чтобы каждый дурак догадался:

– Хотела спросить, где ты взял статью Гленна Райта.

– Скачал с одного американского ресурса, англоязычного, – Русланчик улыбнулся и поправил очки. – Я бы дал распечатку, но ты ведь испанский учишь.

И уже собирался идти – но не тут-то было. Я развернулась, перекинула ногу на ногу и послала ему самый что ни на есть сексуальный взгляд:

– Садись, у нас одно свободное место… Тут прикольно, – и побарабанила пальцами по стенке Шара; полночи рисовала цветочки на ногтях.

Он замялся:

– Я, девочки… Сейчас куплю себе что-нибудь, и…

– Дипломат оставь, – приказала я.

И он оставил. Куда бы он делся?…

Я нарочно не стала смотреть в его сторону. К Шару прилип желтый лист, принесенный ветром. Если б не дождь, я бы смылась с последней пары. Тем более, что на специализации мы с Русланчиком в разных группах: он в политике, а меня матушка засунула на менеджмент. Еще и приплатила тому козлу из ректората, который следил, чтобы мне на всех экзаменах натягивали трояк. По баллам я бы, конечно, пролетела, но матушка заранее узнала, что баллы в «Миссури» – фигня. Главное было пройти собеседование в конце, а это для меня дело техники. В комиссии-то сидели почти одни мужики.

Русланчик отошел от кассы с подносом в руках и направился к нам; я помахала ему и тут же уткнулась в стенку. Пусть не думает.

Через две секунды он подбежал – но уже почему-то без подноса. Подхватил со стула свой дипломат:

– Девчонки, сорри. Там наша компания, меня позвали… в общем, увидимся. Пока!

И ускакал на другой конец Шара, где, сдвинув два столика, расселись местные пацаны и навороченные, упакованные будь здоров, тоже все до единой столичные девки.

Ленка и Хулита молча хихикали. Ненавижу!

Убью гада.

* * *

Дождь кончился. В луже на остановке плавали желтые листья и кусок газеты с заголовком «Бывшая жена Сильвестра Сталлоне тре…». Что она такого «тре…», тонуло в мутной воде. А интересно.

Автобус не шел. Пилять три остановки пешком было в облом, тем более одной: с девками я поругалась. Когда у Ленки в сентябре была несчастная любовь, я ее утешала, – а они?!.. И пусть только попробуют таскать мое турецкое печенье!

– Привет, Наташа. Ты в общежитие?

От неожиданности я чуть не вляпалась каблуком в лужу. Обернулась: Влад Санин из третьей группы. Вообще-то курс у нас такой агромадный, что всех в лицо я до сих пор не знаю. Но этот пацан пару раз приходил к нам в общагу, к Линичуку и Герке-гитаристу в четыреста пятую. Кажется, он какой-то компьютерщик. И местный!..

Я улыбнулась:

– Привет. Ага.

– Может, пройдемся? – предложил он. – Смотри, какая погода хорошая.

И правда – выглянуло солнышко, и сразу стало очень-очень красиво: желтые деревья на темно-синем небе, а среди них здание «Миссури» с блестящим шаром. Я вообще люблю осень. Почему бы и не пройтись?… тем более что как раз подходила столичная компания с нашего курса, среди которой возвышался Русланчик в длинном светлом плаще. Пусть не думает!..

Сунула Владу свою сумку:

– Пошли.

Пожалела я об этом минуты через две. Он летел, как электричка на пожар, широченными шагами перескакивая через лужи и размахивая своей и моей сумками; а если расстегнется и вся косметика повыпадает?!.. Я уже молчу про каблуки. Представляю, как оно выглядело со стороны: здоровая девка на шпильках-семерке, спотыкаясь, метется за пацаном, – к тому же мелким, худющим и в очках. И дернуло же меня!.. а все потому что местный. Местными перебирать – так можно через пять лет в родной Полесск вернуться… Но не настолько же!

Между прочим, поболтать с ним, прощупать почву насчет жилплощади и предков, не было никакой возможности. В спину, что ли, вопить: кто твой батя?… и есть ли у тебя девчонка?… Хотя девчонка у такого задохлика – вряд ли.

Возле дороги он притормозил – потому что на светофоре горел красный свет. Но уже начинал мигать, когда я отдышалась и поправила прическу. До общаги оставалось еще две с половиной остановки; на фиг, я так не играю! Забираю сумку и сажусь на троллейбус напротив «Макдональдса».

На плакате под светофором была нарисована закругленная буква «М» и написано «100 метров». Давно, блин, стометровку не бегала… на каблуках.

И тут меня осенило.

Включился зеленый свет, и Влад рванулся вперед по зебре. Я вцепилась ему в локоть – а что, может быть, девушка боится сама переходить через дорогу, – и, наклонившись к самому уху, прокричала:

– Я есть хочу!

Санин отреагировал только на другой стороне. Остановился; слава богу! Цепляться за него было уже неприлично – пусть не думает. Перевела дыхание и протянула нежным, чуть виноватым голосом:

– Понимаешь, в Шаре не пообедала… А в общаге пока что-нибудь приготовишь…

И улыбнулась Владу так, словно это был сам Русланчик.

До него дошло. Умный!

– Может быть, зайдем в «Макдональдс»?

* * *

– Что тебе?

– «Биг-Мак меню», – не задумываясь, ответила я. – И клубничное мороженое. И…

Его мелкие глазки за близорукими очками вроде бы пока не лезли на лоб. Наглость – первое счастье. Да и когда еще… В общем, я решилась:

– … и пирожок с вишнями!

– Хорошо, – кивнул Влад. Поставил сумку на сиденье напротив и пошел к кассам.

А я сняла плащик, перекинула его через спинку стула. Села за столик, локтями подперла подбородок. Типа я здесь уже в черт-те какой раз.

Хотя на самом деле – в первый. А что, если мне матушка денег дает только на проезд; все остальное – продукты там, косметику, даже туалетную бумагу! – натурой, «чтоб не развращать ребенка»! Вообще-то ее просто жаба давит. Матушка у меня за копейку… ну да ладно.

А что я здешнее меню назубок знаю, – так оно снаружи на плакате написано, даже с картинками. Мы с девками, когда пешком из «Миссури» пиляем, всегда останавливаемся почитать. И посмотреть, как народ лопает, стенки прозрачные, все видно…

Глянула в окно: вот бы кто-нибудь из наших мимо проходил!.. Вот бы Русла…

– Забыл, какой ты пирожок хотела, – сказал Влад. – Взял и с вишнями, и с яблоками…

Я кивнула:

– Солнышко.

Он опустился напротив; из-за высокого стакана кока-колы одни очки поблескивали. Оно, конечно, стремно сидеть в «Макдональдсе» с дохлым очкариком. Но пригласил ведь, и два пирожка!!! – себе Влад, правда, взял только гамбургер. Значит, не такой уж он башлятый… но и не жмот, как некоторые. Да и перебирать местными… тьфу ты.

– А ты компьютерами занимаешься, да? – начала я разведку, пережевывая биг-мак.

Молча кивнул. Что ты хочешь: рот занят. Я спохватилась и перед следующим вопросом все проглотила – вкуснотища! С этими очкариками надо и себе косить под воспитанную:

– Наверное, интересно?

– Интересно, – он опять кивнул.

Укусил свой гамбургер и снова замолчал; нет, я так точно не играю! Сам пристал на остановке и сам же молчит, как рыба об лед. Правда, его глаза из-под стекол так и уткнулись в мою кофточку, туда, где я две пуговки верхних никогда не застегиваю, хоть уже и холодно. Та-ак, все ясненько: хочет, но боится, бедняжка. Наверняка ведь еще мальчик.

Попробовала картошку из пакетика. Супер!

– Я тут начал одно исследование, – внезапно заговорил Влад. – Мне нужна статистика. Вот ты, Наташа, – как ты поступала в «Миссури»?

Теперь он смотрел мне в глаза – скорее всего потому, что я их вылупила, как идиотка. Нет, они все сговорились, что ли?…

Но хамить я ему не стала.

– Как все. Сдала экзамены, собеседование прошла… А что?

– И какие у тебя были оценки?

– Испанский – пять, сочинение – четыре, – а как он, спрашивается, проверит? – А по тестам не помню уже. Столько времени прошло… Так зачем тебе?

Санин отправил в рот остаток гамбургера и аккуратно сложил в несколько раз упаковочную бумажку, так что получился малепусенький квадратик. Я тянула через трубочку кока-колу: губы при этом складываются так сексуально, что кому хочешь отшибет думать про какие-то там экзамены. Владичек, солнышко, покраснел и, кажется, чуть было не подавился.

– Просто есть одна гипотеза, – наконец выговорил он. – Я придумал прогу по сравнительно-статистическому анализу… Понимаешь, Наташа, такое впечатление, что наш курс набирали, исходя не из… В общем, не столько по уровню интеллекта и образования, а…

– По-твоему, я дурочка, да?!

Я выплюнула соломинку и обиженно поджала губки. Обычно действует безотказно.

Влад совсем смутился; похоже, он так и думал. Ну и по фиг! Зато не какая-нибудь умная. Посмотрела б я на того идиота, который поведет Хулиту в «Макдональдс»!

Подобрала последние палочки картошки и взялась за мороженое. Объеденье!.. только клубника не очень-то настоящая.

– Нет, что ты, Наташа, я… Или вот, например, если посмотреть, как народ у нас относится к учебе. Октябрь месяц – а на пары уже ходит меньше половины курса. Герки сегодня опять не было… и Гэндальфа… Ты не знаешь, он не заболел?

– Утром был вполне здоров, – сообщила я, облизывая мороженое с ложечки острым язычком. – И даже собирался в институт. Обломался, наверное. А вообще, старшие курсы говорят, ничего нам за пропуски не будет. А на сессии вообще халява.

– Вот именно! В институте такого уровня, как МИИСУРО, не должно быть халявы! Ладно еще, если бы мы платили за обучение. Но в нас, наоборот, вкладывают колоссальные средства – и что, совсем не нужна отдача? Тут что-то однозначно не так. Я пока начал с анализа вступительных экзаменов, а если в этом направлении не удастся ничего нащупать, то…

Он очень смешно сказал – МИИСУРО, с ударением на «о». А дальше я и не слушала: понес какой-то совершенно левый груз. Нет, я не въезжаю: пригласить девку в «Макдональдс» и битый час втыкать ей про «Миссури»?!.. Это ж умереть можно. При том, что я ему уже минут двадцать глазки строю, задохлику местному! Да любой бы пацан…

Хотя что он тут предпримет, бедненький? Все ведь на нас пялятся, и с улицы тоже. Даже что под столиком делается, и то каждой собаке видно. Кстати, по стеклу снова закапал дождик – маленький, но под него можно закосить от прогулки – пробежки – пешком. В конце концов, Владичек, наверное, потому и несет пургу, что очень хочется, но здесь в упор никак…

К тому же я уже налопалась по самое не могу. Выковыряла из прозрачной креманки последнюю ложечку мороженого и покосилась на пирожки. Запакованные, так что можно взять с собой в общагу. И пусть Ленку с Хулитой жаба задавит!..

Встала:

– Спасибо, солнышко. Пошли. Ты ведь к нам?…

На слове «к нам» я улыбнулась и еще раз облизала губы – вроде от мороженого. Владичек закивал и рыпнулся подать мне плащик. Только у него не очень получилось, пока не вытянул руки вверх и не встал на цыпочки. Да ладно, это все из-за моих каблуков.

Распахнул передо мной стеклянную дверь, и я в последний раз вдохнула вкуснющий макдональдсовский запах. Хотя кто сказал, что в последний?

– Были бы деньги, – задумчиво произнесла я, не глядя на Влада, – каждый день бы тут обедала…

Но он ответил совсем не так, как я ожидала:

– Не советую, Наташа. Одна девушка в Америке таким образом за месяц набрала сто двадцать кило. Тут очень калорийная пища.

Да? Стало по-настоящему обидно.

Ну почему от всех хороших вещей обязательно толстеют?!..

* * *

– В четыреста пятую, – сказал Владичек вахтерше.

Я его мысленно похвалила. Бабе Соне вовсе не обязательно знать, куда он идет. Хотя она, старая стерва, по-любому догадалась; глазищами чуть мне дырку в заду не прожгла.

Он хотел подниматься по ступенькам, но я вызвала лифт: когда он исправный, надо этим пользоваться. В кабинке валялась бумажка от «сникерса» и было страх как накурено; наверное, поэтому Владичек зашугано отступил в угол, стараясь к тому же не прижиматься к стенке с разными надписями. Столичный ребенок. Ничего, я понимаю.

Мы прошли через блок. На кухне торчал один Женечка. Выглянул, поздоровался с Владом и странновато посмотрел на меня; он вообще странноватый, хоть и солнышко. Возле мусоропровода по-прежнему валялись бутылки: поубиваю четыреста восьмую!..

Моя дверь была закрыта: йес! То есть, я еще в троллейбусе вспомнила, что девки говорили про какую-то экскурсию после пар – они обе на одной специализации, социологички. Так что это надолго. Провернула ключик и распахнула дверь: хорошо, что я последняя уходила, а то наверняка оставили бы бардак…

– Ребята есть? – спросил Владичек у меня за спиной.

– Ага, – ответил ему Женечкин голос. – Они там новую песню сочиняют. А мне к семинару готовиться…

Я обернулась – и вылупила гляделки.

Владичек, как ни в чем ни бывало, протягивал мне сумку:

– Счастливо, Наташа.

– Ты что это, не зайдешь? – я вздохнула, поджала губки, ненавязчиво выставила вперед ножку в чулке, – все это, конечно, игнорируя его руку с сумочкой. – Ну Влад… Посмотришь, как я живу.

И в этот момент, как назло, распахнулась дверь четыреста пятой. Наверное, им Женечка, гад, сказал.

– Влад!!! – заорали в один голос Герка и Линичук.

И пришлось взять сумочку.

… А все тетрадки в ней оказались в жирных пятнах: один макдональдсовский пирожок выпал из своей картонной коробочки с нарисованными вишнями. Хорошо хоть, не взяла конспект у Русланчика… С горя надкусила пирожок: гадость!.. может, потому что холодный.

Переоделась в тигровый халатик и вышла на блок. В четыреста восьмой было закрыто: ну ладно, вы мне еще попадетесь, стервы! Из-за дверей четыреста пятой гремело что-то разноголосое и под гитару. Бедный Женечка. Но так ему и надо.

А Владичек еще пожалеет.

Я поднялась без лифта на шестой этаж и постучалась в шестьсот одиннадцатую. У Вовика сидели двое пацанов, но при виде меня он сразу предложил им погулять.

– Ну что, Натаха, опять скучаешь? – сказал Вовик, спустил с моих плеч воротник тигреночка и умело расстегнул на спине бюстгальтер.

Вовик – солнышко. Жалко, что не местный.

Георгий, 33 года

Голос в трубке был хриплый, содранный, будто кожа:

– Мне очень нужно с тобой поговорить… Нет, по телефону – никак… Приезжай… Очень нужно, понимаешь?…

В паузу пробился какой-то чужой разговор, затем коротко пикнуло: звонивший говорил из автомата. Но ведь у него еще месяц назад была казенная мобилка… названивал, хвастался. Значит, снова уволили с работы. Черт возьми. Георгий вздохнул:

– Хорошо. Завтра попробую вырваться. Где встретимся?

…– Кто это? – крикнула с кухни жена.

– Мне, один приятель, – отозвался он. Если Светка узнает – точно закатит скандал, запрещая ехать в город «на пьянку к этому алкоголику». Зачем лишнее сотрясение воздуха?

Георгий вышел из сеней на крыльцо. Было еще совсем светло: как-никак, начинается весна. В воздухе облачками зудели мошки, с соседского огорода за плетнем несло запахом известки и навоза. Старый вяз посреди двора неизвестно когда успел взорваться коричневыми сережками. Кстати, мальчишки уже замучили просьбами повесить качели… а жене он обещал на эти выходные побелить деревья в саду – вон, у дяди Коли уже все побелено. Ну да ладно. Выехать в субботу рано утром, первой электричкой, к вечеру вернуться, а в воскресенье…

Еще диктанты четвертого класса. И контрольные изложения шестого. Вот так всегда – откладываешь до последнего, на те же выходные… он негромко выругался. Ничего не поделаешь: надо прямо сейчас садиться и проверять. И что-нибудь придумать для Светки: зачем он, собственно, ни с того ни с сего срывается в город. Сказать, что в райцентр. Если заикнуться про столицу – без свары не обойдется…

– Дядь Гера! – донесся из-за плетня писклявый голос. – А я ту книжку уже прочитала. Можно еще попросить?

– Цыть, малая! – гаркнул на дочку дядя Коля. – Думаешь, учитель их печатает?… ну-ка, марш в хату! Как здоровье, сосед?

– Не жалуюсь, – усмехнулся Георгий. – Зря ты так, дядя Коля. Вон, моих пацанов полстранички прочитать не заставишь. Все больше по селу гасают как сумасшедшие, на гитаре бряцают… а толку?

Сосед закурил, спустился с крыльца, навалился необъятным пузом на плетень. Георгий тоже раскурил дешевую папиросу, пряча легкое раздражение. Два мужика под вечер по-соседски точат лясы, – это святое, куда в большей степени, чем бабьи сплетни. От дяди Коли теперь не отвертишься самое малое полчаса. Штук шесть-семь тетрадок… черт побери.

– Ты не волнуйся, сосед, – изрек дядя Коля. – Твои пацаны дураками не вырастут, при таком-то батьке… Я тут вчера хвастался куму из райцентра: мол, в нашей школе учитель «Мисуру» закончил, а у вас?… накуся выкуси!

Довольно похохотал и неожиданно спросил:

– Голосовать за вашего будешь, за Багалия?

Георгий пожал плечами:

– Не решил еще. А ты?

– Я за Владимира Палыча, – солидно протянул сосед. – Владимир Палыч мужик толковый… сколько уж лет в правительстве, знает, что там к чему. Ты извини, конечно, может, твой Багалий тоже ничего, но я уж как-то…

– Какой он мой, – отмахнулся Георгий.

– Я вот думаю, – дядя Коля посмотрел на краснеющее небо, – подморозит еще или можно уже клубнику сажать? Ты как себе мыслишь, сосед?…

… Он отложил предпоследнюю тетрадь. Взглянул на часы: полпервого. Запредельное время для большинства односельчан; Светка, к примеру, даже не признавала телесериалов, начинавшихся после десяти… Ее дыхание с ритмичными всхрапами заполняло горницу. Из-за перегородки на разные голоса посапывали мальчишки. Георгий зевнул и раскрыл последний диктант. В тусклом свете ночника строчки прыгали перед глазами.

Вообще-то жена права, когда пилит его из-за тесной родительской хаты. Конечно, давно пора взять у ее отца – предлагает же! – деньги на кирпич с цементом и начать строить дом. Долгое, серьезное, стоящее дело. Возможно,

оно действительно если не придаст его жизни смысл, то, во всяком случае, довершит необходимую атрибутику сложившейся мужской судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dubinyanskaya_yana/proekt-missuri

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить